

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 181.11-112

Дата поступления: 12.05.2024
рецензирования: 20.06.2024
принятия: 02.09.2024

«Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха

С.И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению сценария в новейшей истории немецкого литературного языка, связанного с оформлением нормативной графики (графемики), в частности «спора шрифтов: антиква vs готика» первой половины XX века. На значительном отрезке исторического развития немецкий письменно-литературный язык отмечен «когнитивным диссонансом», вызванным в языковом сознании его носителей столкновением «конфликтующих» вариантов знаков латинской графики. Параллельное использование графических вариантов письменности (диглифия), особенно на этапе новейшей истории немецкого языка, отмечено влиянием многообразных внеязыковых факторов (идеологии, культурных, конфессиональных расхождений, национальной, государственной политики и др.). Актуальным является критическое рассмотрение радикальной и противоречивой языковой политики в тоталитарном Третьем рейхе в 1933–1945 гг. Декларируя фрактуру как «народную письменность», символ идентичности и воплощение основных доктрин (сплочение нации и немецкоязычных этносов, антисемитизм, «борьбу за культуру», идею превосходства), национал-социалисты в 1941 году на этапе переориентации политики на «евроцентризм» предлагали его замену прежде отвергаемой антиквой как «нормативной немецкой письменностью». В статье дан стадийный анализ сценариев языковой политики национал-социализма в «споре о графике», попыток использовать футуру как «компромиссный шрифт». Анализируются как лексические маркеры связанные с этой практикой идеологемы (Sprachregelung, Kulturkampf, Schrifttum, Judenlettern, deutsche Volksschrift/Normalschrift и др.). Результатом исследования стало построение модели «стратегии шрифтов» как особого лингвосомиотического феномена языковой политики Третьего рейха. В выводах отмечено своеобразное отражение «спора шрифтов» в разных типах текстов 1933–1945 гг. и в милитарном дискурсе Третьего рейха.

Ключевые слова: немецкий литературный язык; национал-социализм; Третий рейх; языковая политика; «языковое регулирование»; графика; латинское письмо; диглифия; антиква; готический шрифт; фрактура; швабахер; футура; руны; правописание; креолизация текстов; типографика; лингвосомиотика.

Цитирование. Дубинин С.И. «Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 128–141. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-128-141>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубинин С.И., 2024

Сергей Иванович Дубинин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2024
Revised: 20.06.2024
Accepted: 02.09.2024

«Confrontation of fonts: Gothic vs Antiqua» in the language politics of the Third Reich

S.I. Dubinin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Abstract: The article is devoted to the consideration of the script in the modern history of the German literary language, associated with the design of its normative graphics (graphemics), in particular the «font dispute: antiqua vs gothic» in the first half of the 20th century. For a significant period of historical development, the German literary language is marked by «cognitive dissonance» caused in the linguistic consciousness of its speakers by the collision of «conflicting» variants of Latin characters. The parallel use of various graphic variants of writing (diglyph), especially at the stage of the modern history of the German language, is marked by the influence of various extra-linguistic factors (ideology, confessional, cultural differences, national and state policies, etc.). A pressing issue is the consideration of the radical and controversial language policy in the totalitarian Third Reich in 1933–1945. Declaring Fraktur as a «national script», a symbol of identity

and the embodiment of basic doctrines (unity of the nation and German-speaking ethnic groups, anti-Semitism, «struggle for culture», the idea of superiority), the National Socialists in 1941, at the stage of reorienting their policy towards «Eurocentrism», declared its replacement of the previously rejected antiqua as «normative German writing». The article provides a critical stage-by-stage analysis of the scenarios of the language policy of National Socialism in the «dispute about graphics», attempts to use a «compromise font» (Futura). Ideologemes associated with this practice are analyzed as lexical markers (Sprachregelung, Kulturkampf, Schrifttum, Judenlettern, deutsche Volksschrift/Normalschrift, etc.). The result of the study was the construction of a model of «font strategy» as a special linguistic-semiotic phenomenon of the language policy of the Third Reich. The conclusions note a peculiar reflection of the «font dispute» in different types of texts of 1933–1945 and in the military discourse of the Third Reich.

Key words: German literary language; national socialism; Third Reich; language policy; «language regulation»; graphic arts; Latin letter; diglyphia; antiqua; Gothic font; Fraktur; Schwabacher; Futura; runes; orthography; text creolization; typography; linguosemiotics.

Citation. Dubinin S.I. «Confrontation of fonts: Gothic vs Antiqua» in the language politics of the Third Reich. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 128–141. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-128-141>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Dubinin S.I., 2024

Sergei I. Dubinin – Doctor of Philology, professor, head of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В новейшей истории немецкого литературного языка своеобразным сценарием отмечено оформление его нормативной графики (графемики), в частности т. н. «спор шрифтов: антиква vs готика (*Schriftenstreit / Antiqua-Fraktur-Streit*)». Исторически латинский алфавит и округлый шрифт (антиква) – первооснова в VII–XI вв. зародившейся немецкой письменности в дальнейшем функционально противоречиво комбинировался в единицах графики (графемы / графические знаки) и в ее «оптических реализациях» – буквах, имеющих особый план выражения / графический образ [Зиндер 2003, с. 22–25]. Примерно с XIV века установилось длительное соседство антиквы с оформившимся с XII века усложненным остроконечным немецким готическим письмом и его основной вариантной формой, утвердившейся вскоре после изобретения книгопечатания в XVI–XVII вв., – фразатурой, получившей название «немецкий шрифт». В ситуации диглифии (*Zweischriftigkeit*) это осложняло реализацию «переключения кода письма» для носителей языка.

Данная «бискрипальность» как чересполосица знаков письма, включавшая и небуквенные знаки (логограммы), затронула с XVI века зародившуюся и активно развивавшуюся с XV века печатную и первичную более длительную немецкую рукописную традиции, оформление которых не было синхронным [Филичева 1992, с. 7–9]. На значительном отрезке исторического развития немецкий письменно-литературный язык отмечен «когнитивным диссонансом», вызванным в языковом сознании носителей столкновением «конфликтующих» вариантов знаков графики.

В новонемецкий период двойность «семейства шрифтов» обозначила устойчивое нарушение единства стилистической и композиционной системы немецкого письма. Но исторически укоренившаяся немецкая диглифия не переросла в диграфию, когда два варианта письменности – антиква и готика – настолько сильно разошлись бы между собой, что визуальное отождествление знаков двух вариантов шрифта (глифов, аллогра-

фов) стало невозможным. Особенностью старонемецкой графической системы было также использование для одной графемы латиницы нескольких глифов – ее материальных воплощений, отличавшихся как функционально (строчные, капитальные, прописные, курсивные), так и вариантными формами (альтернативные глифы). Немецкая готика приобрела, особенно в наборной печати, но также на письме под влиянием антиквы и графических практик, несколько основных «компромиссных» разновидностей: текстуру (исторически первый печатный немецкий формат), фразатуру, швабахер / бастарду, ротунду / круглоготический шрифт, куррент (курсив).

Наглядный пример «отягощения» системы немецкого шрифта – расхождения антиквы и фразатуры в отражении графем, например высокочастотной <s>. В готическом письме ей соответствовали два глифа – т. н. «длинный» и «круглый» (см. рис. 1 и 2). Первый, имея также прописной вариант, использовался в инициальной и срединной позициях в слове, а также в буквосочетании <sch> при передаче фонемы /ʃ/ как первый элемент при образовании известной с XV–XVI вв. своеобразной немецкой лигатуры [ß]. Второй глиф употреблялся только в исходе слога. В антикве для этой графемы с XVIII века повсеместно использовался единообразный глиф.

Рисунок 1 – Готические печатные глифы фразатуры для графемы <s>

Figure 1 – Gothic printed Fraktur glyphs for the grapheme <s>

Ситуация параллельного использования различных графических вариантов письменности в немецком литературном языке, как и становление его орфографии, в разные эпохи, особенно на этапе его новейшей истории, отмечены радикальным влиянием многообразных внеязыковых факторов. Их доминантами были актуальная идеология, профессиональные, культурные расхождения, например т. н. *Kulturkampf* (борьба за культуру) нацио-

нальная, государственная и языковая политика, в частности пуризм.

Рисунок 2 – Образцы печатной/рукописной антиквы, фразтуры и «зюттерлина»: глифы для графем <s> и <e>
Figure 2 – Examples of printed/handwritten antique, Fraktur and «Sütterlin»: glyphs for the graphemes <s> and <e>

Антикву поддерживали немецкие гуманисты и первопечатники XV–XVI вв., издававшие много латинской литературы, что породило «соседство шрифтов» и недолговечный феномен смешанного типо-шрифта – готико-антикву, которая имела и рукописную форму. В эпоху Реформации и сложения немецкого литературного языка печать на родном языке Библии Лютера (1534 г.), выполненная фразтурой, подчеркивала противопоставление протестантизма письму антиквой – традиции римско-католической церкви [Beinert 2001]. Первые немецкие двуязычные словари XVI века и энциклопедии, будучи отпечатанными готикой, отражали слова иностранного языка в наборе антиквой [Дубинин 2007, с. 247].

Цель данной статьи – критическое рассмотрение особенностей решения вопроса о т. н. «борьбе шрифтов» в языковой политике Третьего рейха в 1933–1945 гг. и его истоков в предшествующий период. **В задачи исследования** входило: определение способов позиционирования фразтуры как «народного шрифта» в стадийно различных сценариях языковой индоктринации национал-социалистами и их метаязыковых высказываний; характеристика поисков вариантных и альтернативных шрифтов (футура), практик идеографической символики; обнаружение причин смены установок и позиционирования антиквы как «нормативного шрифта» в 1940–1945 гг.

Исследование опирается как на методологию и положения, принятые в отечественной теории генезиса литературного языка [Филичева 1992], так и на дискурсивный подход (идеологический, милитарный дискурсы) [Миры дискурса 2015, с. 6–7] с ориентацией на лингвосомиотический анализ графических феноменов немецкого языка. Важным является положение, что т. н. «язык национал-социализма» и его отдельные проявления (лексикон, графика, орфография) следует рассматривать только в связи с порождаемыми текстотипами и в соответствующих им контекстах [von Polenz 1978, S.165].

При анализе идеологом – маркеров языковой политики Третьего рейха были использованы словарные ресурсные данные 1933–1945 гг. электронной базы / корпуса лексики немецкого языка (DWDS) и фундаментального документированного «Вокабуляра национал-социализма» (VdNS 2007).

Рассматриваемая тема приобрела в отечественной германистике особую актуальность в связи с возрождением неонацистских настроений, языковых сценариев и знаков нацистской вербальной/ невербальной коммуникации как в обществе ФРГ [Едличко 2015, с. 80–81], так и в ее международной практике. Однако по-прежнему отмечается дефицит исследований в этой области, особенно в аспекте междисциплинарной аналитики, а также в политолингвистике [Вульф 2003; Костева 2011].

Имперские истоки «противостояния шрифтов»: фразтура vs антиква

Во многом инспирируемое «противостояние шрифтов» особенно обозначилось на рубеже XX века в языковой политике новообразованной Германской империи, в частности в масштабной стратегии т. н. *Eindeutschung* (онемечивания; первоначально «переводить на немецкий») (VdNS, S.165), явившись отголоском национальной орфографической реформы Конрада Дудена [Филичева 1992, с. 164]. Консервативное сохранение архаичной «немецкости» готической графики в печати и на письме в духе «национальной унификации» стало проявлением иррационального имперского пуризма. Но традиционным оставалось оформление антиквой иноязычных изданий и цитат в тексте.

Рубеж XX века был отмечен в Германии острым противостоянием общественного мнения в вопросе о формате национальной графики в лице языковых обществ: праворадикального пуристического, антисемитского Allgemeiner Deutscher Schriftverein (Всеобщее немецкое шрифтовое объединение) и Verein für Altschrift (Ассоциация за антикву). В многолетней полемике фразтуру поддерживали рейсканцлер Отто Бисмарк и позднее Вильгельм II. Апогеем дискуссии стали не давшие результата парламентские дебаты в рейхстаге 1911 года. Петиция «Ассоциации за антикву» по замене готики и главный тезис – упрощение шрифта, особенно рукописного, были отклонены большинством голосов за «народный» шрифт.

В 1911 году по инициативе и заказу прусского министерства культуры знаменитый художник-график Людвиг Зюттерлин (1865–1917) создал немецкий модернизированный рукописный шрифт, названный его именем (*Sütterlinschrift*) с адаптированными («облегченными») элементами фразтуры. Этот компромиссно упрощенный по форме почерк постепенно заменял сложные старорукописные готические шрифты, сложившиеся с XVI века. Шрифт Зюттерлина был введен в 1915 году в Пруссии – крупнейшем территориально-государственном субъекте империи. Но в других землях Германии нововведение затянулось почти на два десятилетия.

Быстрый перманентный переход/перевод с фразтуры на антикву отличал в перспективе не немецкую рукописную, а более лабильную печатную традицию. Приобретая в Веймарской республике национально-культурный статус как *Deutsche Volksschrift* (немецкое народное письмо),

этот рукописный стандарт в 1920-е гг. постепенно завоевал общественное мнение, заменив через переходный формат сложные готические курсивы (в частности, упомянутый старонемецкий почерк *Kurrentschrift*) в школах и делопроизводстве, отчасти приблизив их к антикве.

В ситуации демократизации образования и науки в Германии после краха империи, всплеска дизайнерского искусства сохранялась «мирная шрифтовая диглоссия» – естественное сосуществование «семейств шрифтов». Под международным влиянием антиква в разных вариациях бытовала на письме (курсивы) и как типо-шрифт, особенно в научной и экономической коммуникации, в иноязычных изданиях, хотя спорадически / факультативно изучалась и старонемецкая графика. Дистанцирование от фактуры позиционировалось в прагматических дискуссиях о *bessere Lesbarkeit* (лучшей читабельности), разумной унификации немецкой графики на базе антиквы. Это отмечено появлением в середине 1920-х гг. под влиянием идей конструктивизма форматов т. н. «функциональной / новой типографики» (рис. 3).

Schaftstiefel Schaftstiefel

Рисунок 3 – Образцы «улучшенной готики»
и «нового шрифта» (1930 г.)

Figure 3 – Examples of «improved Gothic» and «new font»
(1930)

Отражением противоположной тенденции рубежа 1930-х гг. были попытки создания «улучшенной, читабельной или сдержанной» фактуры («простая готика»), за которую выступала консервативная часть общества. Впрочем, известный своими националистическими взглядами влиятельный дизайнер шрифтов Рудольф Кох (1876–1934) создавал шрифты как в стиле фактуры, так и антиквы, что отразило «веймарский дух» того времени.

Аспекты языковой политики нацистов: готика, руны или футура?

Характеризуя в диахронической перспективе т. н. «язык национал-социализма», один из крупнейших современных исследователей истории немецкого языка Петер фон Поленц (1928–2011) отмечал его первичную близость к «языку рекламы (*Werbesprache*)», связь с языковой ситуацией и интенциями языковой политики имперской «вильгельмовской эпохи». Очевидна также вторичность, эклектичность агрессивной стилистической и виртуальной прагматики «одурманивания (*Betäubung*)» массового сознания при тоталитарном режиме [von Polenz 1978, S. 164] в его форсированной попытке создания новой «национал-социалистической идентичности».

Графические особенности текстов / текстотипов в дискурсах Третьего рейха отразили установки на их «правильную графику», поиски нацистами сво-

его «графического бренда», являясь элементами креолизации текстов, в частности идеологических стратегий их единого шрифтового оформления. Это включалось в практику в целом ненормированного использования графостилистических (параграфических) средств / знаков в письменной речи. Например, в пунктуации это чрезмерное употребление в нацистской публицистике и СМИ кавычек, восклицательного знака, выделений. Так, контекстное закавычивание нейтральных лексем *die Toleranz* (терпимость), *der Forscher* (исследователь) при характеристике «не-арийцев» придавало значению слов ироничный и отрицательный оттенок [Клемперер 1998, с. 17].

Нацистский режим дистанцировался в своей языковой политике от установок Веймарской республики, оскорбительно именуемой *das Zwischenreich* (промежуточный рейх), переформатируя общественное сознание. Одновременно с вопросами графики в Третьем рейхе инициировались и реформы орфографии, декларируемые лозунгами единого, ясного, легко понятного правописания, что типично для тоталитарных государств. Предлагалось упразднить написание существительных с большой буквы и оптимизировать графические варианты (проект председателя Общества по правописанию, консультанта министерства внутренних дел Теодора Штехе 1934–1935 гг.). Долго дебатировался проект 1936 года рейхсминистра воспитания и народного образования Бернхарда Руста по упрощению правописания с элементами национального пуризма («онемечивание» иностранных слов): упразднение «чуждой» графемы <v>, «умеренное» написание существительных со строчной буквы и др. Но в итоге ни один орфографический проект не получил поддержки властей с аргументацией их экономической затратности [Костева 2011, с. 60–62].

Это отразило имманентную парадоксальность и авторитарность (модель «фюрерства») языковой политики национал-социалистов. Например, вопросы орфографии мало интересовали самого Гитлера, хотя он поддержал сценарии противоречивой «реформы шрифтов», что было не менее затратно, но более соответствовало (в контексте лингвосомиотики) визуализации идеологических и политических доктрин нацизма. Инициаторы реформ правописания относили его к духу немецкого и германских языков, отрицая проникновение из чуждых, негерманских языков, что исконно противно немецкому духу (ср.: *artfremd, lateinisch-humanistischer Sprachgeist*). Но они участвовали в споре о «первенстве шрифтов» недостаточно «идеологично», поскольку нацисты видели политическую перспективу языковых реформ не в создании единого «народного немецкого (*volksdeutsch*)», а «имперского немецкого (*reichsdeutsch*)» языка [Вульф 2003, с. 205–206, 208].

Первоначально в исследованиях т. н. «языка Третьей империи», например у Виктора Клемперера (1881–1960), на основании наблюдений документировавшего (публикация 1960-х гг.) «официальный язык» нацистской Германии как главное орудие манипулирования, основное внимание об-

рашалось на лексическо-семантические средства [Клемперер 1998]. В изучении языковой политики нацизма эта лакуна постепенно заполняется анализом графического аспекта, созданием баз данных графики [Hartmann 1998; Beinert 2001; Gugel 2006; Beck 2006; Rück 1993].

Шрифты и их комбинаторика – одно из основных, традиционных средств первичной, «технической» креолизации текста и повышения его прагматического потенциала. Креолизованный текст, «образ» его в целом или его частей – важное средство речевого воздействия во многих дискурсах, в частности в институциональных по природе идеологическом и милитарном, с созданием коммуникативного «напряжения (ожидания)». Если вербально представленная информация влияет на сознание реципиента рациональным путем, то использование паралингвистических средств, например графики, переводит восприятие на подсознательный уровень, изначально вызывая у адресата большее «доверие» [Креолизованные тексты 2017, с. 4–12]. Креолизованный параграфемными средствами текст реализует один из весомых способов манипуляции сознанием его реципиента / получателя.

В этой связи В. Клемперер, говоря о влиянии языкового узуса нацистов на массы, писал: «<...> самое сильное воздействие оказывалось не посредством одного высказывания, не с помощью статьи или листовок, плакатов или флагов, оно достигало своей цели через нечто, что сознательно мыслящий и чувствующий человек должен был просто воспринимать», в частности зрительно [Клемперер 1998, с. 18]. Поэтому графика закономерно заняла важное место в нацистской пропаганде и в индоктринации общества наряду с многообразными вербальными средствами.

Языковая политика германского национал-социализма с его приходом к власти в 1933 году не была оригинальной, изначально разработанной «программой языкового изменения», имея эклектичный, провокативный, ситуативно-экзотический характер. Ее частями стал «националистический пуризм», отличительными чертами которого были фетишизация немецкого языка, воспринимаемого в первую очередь не как средство реальной коммуникации, а как некий «сохраняемый в чистоте и истинности идол», и преувеличенный псевдоисторизм [von Polenz 1998, S. 162].

Известна, например, приверженность нацистов в вопросах языка семиотике эзотерики и язычества, оккультизму и мистике, внеалфавитной идеографической символической и древнегерманским рунам. Не касаясь вопроса об использовании рунического шрифта в Третьем рейхе, в частности как отражения нацистской доктрины наибольшей «расовой (арийской) чистоты» родственных немцам германских народов и их языков, отметим в связи с рассматриваемой темой некоторые явления.

Для логотипов созданных накануне прихода к власти военизированных формирований СС (*die SS / Schutzstaffel*) идеологи нацизма утвердили в 1933 году в аббревиатуре не готические графемы,

а напоминающие рунические символы (автор – чин СС, художник-график Вальтер Хек). Это специальная молниеобразная типографская лигатура **⚡** сохраняясь инкорпорированно в печати, не являлась по сути графической аббревиатурой, напоминая сдвоенную руну <ᚿ> «Sieg (победа)». Эта руна обозначала в «общегерманском» руническом алфавите звук [s] и символизировала солнце, восходя, впрочем, к букве староиталийского алфавита. Она маркировала «идеологический фон» немецкой графики как элемент креолизации текста, не являясь «альтернативным глифом» латинского письма. Примечательно, что наименование *die SS* в Третьем рейхе чаще не расшифровывалось как символическое коллективное имя собственное.

Одиночная руна <ᚿ> стала заимствованным у «преторианцев фюрера» символом для созданной в начале 1930-х гг. военизированной организации *Deutsches Jungvolk* («Немецкое юношество») для мальчиков младшего возраста как подчиненного НСРПГ подразделения гитлерюгенда.

Показательны графическое оформление и семиотика эмблемы возникшей значительно раньше СС боевой организации «штурмовиков» НСРПГ – СА (*die SA / Sturmabteilungen*), но уступившей ей в политической междоусобице нацистов после 1934 года роль главного «боевого отряда» партии, отстраненной от политики и не имевшей в дальнейшем своих армейских подразделений. Упомянутый В. Хек разработал для нее «компромиссный» вариант, объединив стилизованную под дизайнерское изображение молнии руническую <ᚿ> и квазиготическую инициалу <A>. Такое, но не относящееся к символике рун изображение молнии было и на эмблеме (нарукавный знак) подразделений связи вермахта. В текстах аббревиатура *die SA* обозначалась обычными инициальными графемами.

По указу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в символике этой организации использовалось более 10 т. н. старших рун, с помощью которых обозначались этапы карьерного продвижения, личные характеристики ее членов. С началом военной экспансии рейха в 1939 году и образованием *Waffen SS* (войска СС) – второй части организации руна <ᚿ> вошла в эмблематику некоторых дивизий, изображалась на наградных знаках. В атрибутике и ритуалах СС использовались украшенные и другими рунами предметы (почетные кинжалы, светильники, кольца и др.).

Рисунок 4 – Руна <ᚿ>, символика военизированных формирований НСРПГ, «Юнгвольк» и подразделений связи вермахта

Figure 4 – Rune <ᚿ>, symbols of the paramilitary formations of the NSRPG, «Jungvolk» and the Wehrmacht communications units

Из-за идейно-политического диссонанса и многовекторности языковой политики, обозначаемой *die Sprachregelung* (языковое регулирование), нацистский режим отличался двойственным отношением к готическому типо-шрифту и курсиву. Первоначально иерархически возвысив с автори-

тарных позиций руководства рейха, его объявили «истинно народным», «признаком преданности нации», ее самоидентификации, противопоставив антикве как шрифту инонемецкой, инородной культуры, в частности романоязычных стран. В мета-языке пропаганды это номинировалось *arteigen* (прирожденный), *urdeutsch* (исконно немецкий) (DWDS). Видный нацистский политик и идеолог, одна из ключевых фигур режима, активно начавший реформы рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик в обращении к региональным ведомствам в мае 1933 года объявил *Deutsche Schrift* (немецкий шрифт) абсолютно приоритетным.

Но эта установка менялась в связи со стадийным развитием нацистской идеологии и сменой политических установок. Так, если т. н. «период борьбы за власть» 1919–1933 гг. стал для *Deutsche Volksschrift* плодотворным «этапом утверждения», – то 1934–1939 гг. – период консолидации режима – был отмечен компромиссами и избирательной «графической терпимостью». Это отразило некоторое дистанцирование нацистов от имперского наследия, их стратегии антисемитизма, т. н. «внутренний» *Kulturkampf* (идеологема была заимствована из эпохи утверждения Германской империи). Даже такая важнейшая идеологема-мифоним, как наименование провозглашенной в 1934 году Гитлером Третьей империи (*Drittes Reich*), в 1939 году выводилась из обращения в связи с нежелательными ассоциациями с монархическим прошлым страны в пользу прежнего нейтрального *Deutsches Reich* (VdNS 2007, S. 156).

В Германии 1930-х гг. фрактура стала визуальным элементом нацистской пропаганды, «олицетворением» основательности, серьезности и глубины в противовес распространенной в Европе антикве как свидетельству поверхностности чуждых, даже враждебных «немецкому духу» культур и цивилизаций [Харькова 2008, с. 73–75]. На обложке массовых переизданий 1930-х гг. программного сочинения-манифеста Гитлера *Mein Kampf* (1925–1926 гг.) использовался нарисованный вручную красный фрактурный шрифт, отличавшийся высокой декоративностью (иконичностью). В официальных документах, на плакатах – излюбленном текстотипе нацистов, вывесках, бланках, указателях, штампах, печатях и т. п. он использовался показательно, выделяясь и при наборе петитом сегментов текстов (заголовков, рубрикаторов). Эта установка вписывалась в традицию сохранения печатной готики в некоторых странах Северной Европы и Прибалтики, находившихся длительно под влиянием Германской империи, среди которых нацисты настойчиво искали своих союзников.

Но преувеличенное использование фрактуры в визуальной пропаганде, превращение ее в нарочитый «графический маркер» национал-социализма нарушали баланс принципов типографики, которая, допуская графический дизайн, позиционирует правила, определяющие использование шрифтов для создания наиболее понятного восприятия и транслирования текстов, для оптимизации чтения на языке как родном его носителям, так и изучающим его как иностранный.

Позиционирование печатной готики последовательно маркировало основные идейно-политические сценарии нацистской диктатуры. Так, во время одной из первых массовых пропагандистских акций «книгосожжения» (03.10.1933), отмеченной доминантой антисемитизма, прозвучали тезис о «народности и чистоте немецкой графики» и лозунги: *Sprache und Schrifttum wurzeln im Volke. Das deutsche Volk trägt die Verantwortung dafür, daß seine Sprache und sein Schrifttum reiner und unverfälschter Ausdruck seines Volkstums sind. Deutsche Schrift steht nur Deutschen zur Verfügung. Schärfstes Einschreiten gegen den Mißbrauch der deutschen Schrift! Wider den undeutschen Geist!* Во время последующей серии «актов сожжений (*Verbrennungsakte*)» и митингов по всей Германии прозвучал призыв к твердой защите «немецкого письма».

В лексическом узусе национал-социализма *das Schrifttum* (письменность) конвертировалось как их пуристическая калька с *die Literatur* (ср. новообразование *der Schriftleiter* (литературный редактор)). Слово приобрело идеологизированное расширенное толкование «словесность, писательство, издательское дело» как выражение характера нации, ее миссии, став идеологемой. Это отразилось в наименовании одной из автономных палат – *Reichsschrifttumskammer* (имперской палате по вопросам словесности) при руководимом Йозефом Геббельсом министерстве народного просвещения и пропаганды, где были выделены спецотделы прессы, печати и по вопросам культуры. Эта структура реализовывала как «идеологическая креатура», курируя книгоиздание и продажи, репрессивную программу «санации и унитаризации» (*Gleichhaltung*), «онемечивания национал-социалистической словесности» (*Freihaltung des Schrifttums von ungeeigneten und unzuverlässigen Elementen*) (VdNS 2007, S. 561).

Волна нацистской «моды на фрактуру» в основном пришлась на 1934 год, отмеченный, в частности, знаковой для Германии подготовкой возвращения отторгнутой и находившейся под управлением Лиги наций Саарской области. Так, бесплатная выставка *Die Schrift der Deutschen* (Письмо немцев) в Берлине 1933–1934 гг. открыла череду аналогичных пропагандистских перформансов, продолжавшуюся до 1940 года. В 1934–1938 гг. под этой вывеской работала серия передвижных патриотических выставок, название которых стало слоганом, а трансляцию этой идеологемы обеспечивали масштабные «Недели немецкой книги» (рис. 5).

Рисунок 5 – Плакаты выставок «Письмо немцев» (1934 г.)
Figure 5 – Posters for the exhibition «Letter from the Germans» (1934)

Фрактура стала идейной иконографикой национал-социализма и под общим лозунгом «активных новаций» режима, отказа от «старого» шрифта как символа стагнации, слабости (ср. *antiqua* от лат. «старый, старинный, прежний»; *antiguieren* «устаревать, объявить устаревшим, несвоевременным», *die Antiquität* «устарелость») (DWDS). Фрактурный графический символизм воплотил «новую идентичность» тоталитарного режима в стремлении закрепить смену графического кода немецкого языка.

Нацистская пропаганда поддерживала креативные варианты формы «неофрактуры» как развитие графической символики в качестве *Wesensart des Deutschen Volkes* (сущности немецкого народа). В 1934 году художник-график Карл Майер создал фрактурный шрифт с символическим названием «Танненберг» согласно тезису: *Fest und geschlossen, klar und kraftvoll stehen die Worte aus der – fetten Tannenbergs – da: ein überzeugender Ausdruck neuen deutschen Willens*. Название шрифта ассоциировалось с битвой при Танненберге в Восточной Пруссии (08.1914), в которой германские войска нанесли поражение русской армии, и с одноименным патриотическим мемориалом. Здесь был захоронен передавший свои полномочия как единоличному правителю – Гитлеру – рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург (1847–1934), бывший в том сражении командующим восточным фронтом (рис. 6).

Рисунок 6 – Образец и слоган шрифта «Танненберг» (1934 г.)
Figure 6 – Sample and slogan of the Tannenberg font (1934)

Появление серии дизайнерских вариантов готического шрифта было отмечено характерными «патриотическими» наименованиями: Sachsenwald («Саксонский лес» – ставшее мифологемой название реликтового леса в северной Германии, подаренного императором Бисмарку), Gotenburg (крепость готов), Großdeutschland и др.

В сентябре 1934 года в стиле политики нацистской прескриптивности распоряжением упомянутого рейхсминистра по науке, воспитанию и народному образованию Б. Руста готический шрифт был узаконен как обязательный в печати, хотя в своих пропагандистских публикациях национал-социалисты использовали его (также в упрощенных вариациях) наряду с антиквой. Важнейшие события для Третьего рейха – основание вермахта (1935 г.) и возвращение путем ввода войск Рейнской области (1936 г.) – маркировались использованием фрактурного типо-шрифта в посвященных этим акциям слоганах и публикациях. Доля фрактуры в типографской продукции Германии в 1930-е гг. достигала 50–60 %, преобладая в прессе.

Но наряду с фрактурой новым, заметно превалявшим форматом печатной антиквы стал геометрически «нейтральный» шрифт – футура, созданный в конце 1920-х гг. на основе упомянутой

«новой типографики» [Beinert 2001]. В стилистике этого «шрифта будущего» нацистских идеологов, несмотря на непримиримость к «сионистам-конструктивистам», привлекла функциональность, использование элементарных геометрических форм (круг, квадрат, треугольник, ромб), что отличало и символику нацизма. Футура имела и указывающие на «немецкость» особенности: верхние выносные элементы строчных знаков проектировались выше прописных по принципу *die Großschreibung* (капитализация письма).

Намеренным было «компромиссное» использование футуры в нацистских пропагандистских изданиях, на плакатах конца 1930-х гг. в стратегии «новой имиджизации», международного позиционирования гитлеровского режима. Это отразилось в дизайне шрифтового оформления эмблем, постеров, объявлений и печатной продукции для важнейших в политике Третьего рейха акций. Например, для выставок под эгидой *Kulturkampf* против т. н. «дегенеративного искусства» (1936–1941 гг.), для Всемирной выставки (Брюссель, 1935 г.), на XI летних и IV зимних Олимпийских играх (Берлин, Гармиш-Партенкирхен, 1936 г.). Хотя на игры в Берлине в германскую команду не были допущены евреи, вуалировалось превосходство «белой и арийской рас» – при подготовке были убраны юдофобские лозунги и объявления с «немецким шрифтом» [Beinert 2001]. Впрочем, на эмблеме летних игр – колоколе – надпись *Ich rufe die Jugend der Welt!* (Я призываю молодежь мира!), за которой мыслилась фигура Гитлера, была выполнена фрактурой, а дайджест летних игр *Olympia Zeitung* содержал фрактурные титульные вставки в заметках о германских атлетах (рис. 7).

Рисунок 7 – Выставка «Дегенеративное искусство» и Олимпийские игры: плакаты и эмблемы
Figure 7 – Exhibition «Degenerate Art» and the Olympic Games: posters and emblems

Машинописные тексты в Третьем рейхе в основном выполнялись антиквой. Хотя производство печатных машинок ориентировалось на международный рынок, крупные фирмы (Adler, Organprivat, Continental) выпускали модели с фрактурой. Несмотря на технически сложную реализацию готики (непропорциональность шрифта, особенно прописных букв, как следствие – трудности для чтения), замены шрифтов на печатных машинках по требованию радикального издательского *Fraktur-Bund* («Союз за фрактуру») не состоялись (рис. 8).

Отметим, что позиция высшего нацистского руководства в «противостоянии шрифтов» в этот период не была единой. В речах на заседании НСРПГ по вопросам культуры, на партийном съезде осенью 1934 года Гитлер иронически оценил «графи-

ческий» вопрос как «уход в себя в готике» в виде надуманного некоторыми соратниками романтического ретроградства, непонимания сути немецкого [Харькова 2008, с. 73; Beck 2006, S. 253]. В рейхстаге он сказал: «Ваша так называемая готическая интернализация неуместна в наш век <...> дерзких устремлений. Через сто лет наш язык будет языком всей Европы. Нации на востоке, севере и западе будут разговаривать с нами, используя наш язык. Необходимое условие для этого: заменить шрифт, который мы сейчас называем готическим, на тот, что мы ранее называли латинским» [Клемперер 1988, с. 23].

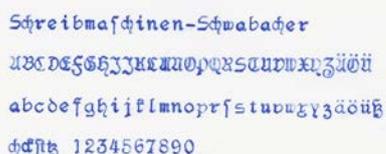

Рисунок 8 – Образец машинописного готического шрифта
 Figure 8 – Sample of typewritten Gothic font

В контексте рассуждений о «соответствующей идеалам ясности и целесообразности антиквы», эти оценки не были эксплицитно отрицательными в отношении готики, которую сам Гитлер использовал на письме [Вульф 2003, с. 212]. Чаще и более резко он дебатировал по вопросам орфографии. За доминирование «исконно немецкой графики» выступал упомянутый рейхсминистр внутренних дел В. Фрик, потребовав замену печатных машинок в ведомстве на аппараты с готическим шрифтом.

Конец 1930-х гг. отмечен в идеологическом дискурсе Третьего рейха семиотическим маркированием фразатуры в новых сценариях территориально-политической экспансии в соседние немецкоязычные государства и регионы и реализации доктрины по сплочению немцев в единую «народную общность (*Volksgemeinschaft*)». Символично оформление фразатурой агитброшюры о «народном единстве» и бланка состоявшегося (с вводом контингента вермахта!) квазиреферендума двух стран о присоединении весной 1938 года Австрии – «родины фюрера», обозначенного как «повторное воссоединение (*Wiedervereinigung*) с Германским рейхом». Страна объявлялась «старейшей восточной маркой немецкого народа (*die älteste Ostmark des deutschen Volkes*)». С 1938 года закреплялось название преобразованной в имперский округ Австрии как «Восточной марки (*Ostmark*)» в ее единстве с «Altreich (старой империей)» в составе «Großdeutschland (Великой Германии)» (VdNS, S. 26–27). «Аншлюс соплеменников» увеличил территорию рейха на 17 %, население – на 10 % (на 6,7 млн), а в вермахт включились 6 сформированных в Австрии дивизий (рис. 9).

Следующим сценарием стала открыто агрессивная экспансия Третьего рейха в отношении Судетской области Чехословакии осенью 1938 года под предлогом защиты этнических немцев (переселенцы с XIII века) на «старой родине», превращение ее в имперский округ Судеты (*Reichsgau*

Sudetenland) со столицей в Райхенберге (бывший чешский Либерец). Это также орнаментировалось фразатурой в пропагандистской печати, на плакатах, почтовых знаках [Antigua-Fraktur-Streit] (рис. 10).

Рисунок 9 – Бланк и брошюра плебисцита по «присоединению» Австрии
 Figure 9 – Form and brochure of the plebiscite on the «annexation» of Austria

Рисунок 10 – Аннексия Судет: почтовая открытка и марка (1938 г.)
 Figure 10 – Annexation of the Sudetenland: postcard and stamp (1938)

Примечательно, что присоединение Австрии и Судет к Третьему рейху не сопровождалось постановкой вопроса реформы и «единения» общенемецкой орфографии. Исследователи отмечают как парадокс: основные «<...> немецкоязычные территории Европы (за исключением Швейцарии) так или иначе находились под контролем национал-социалистов, то есть наступило, как казалось, время для проведения орфографической реформы и создания правописания, которое было бы единым для всего немецкого народа. Тем не менее <...> не было принято никакого орфографического декрета» [Вульф 2003, с. 210].

Масштабная антисемитская погромная акция ноября 1938 года в Германии и в присоединенных Австрии и Судетской области – «Кристалльная ночь (*Reichs-Kristallnacht*)» – была отмечена агрессивными листовками, лозунгами, баннерами отрядов штурмовиков СА как ее ведущей силы, также выполненными готическим типо-шрифтом, что нацисты активно практиковали в расистских сценариях еще на рубеже 1930-х гг.

Рукописный «национальный шрифт» первоначально также успешно реализовался в Третьем рейхе. Так, в 1935 году «зюттерлин» с вариациями официально стал единственным нормативным немецким почерком для школ. Этот курсивный формат широко использовался и печатно-визуально на протяжении всех 1930-х гг., особенно в стилизованных надписях на зданиях, в рекламе, на обложках книг и открытках, а также и на нацистских плакатах (рис. 11).

Рисунок 11 – Фрагмент плаката СА *Ans Gewehr!* (*К оружию!*) курсивом «зюттелин» (начало 1930-х гг.)
Figure 11 – Fragment of the SA poster *«Ans Gewehr!* (*To arms!*)» in italics «*süttelin*» (early 1930-ies)

1939–1941 гг. – период активной территориально-политической экспансии нацистской Германии и реализации курса на завоевание мирового господства, связанного с этим максимального расширения территории рейха. Нацистское руководство идеологически обосновало это обретением *Lebensraum* (жизненного пространства) для этнических немцев (VdNS 2007, S. 275). Языковая политика нацизма трансформировалась на этапе начала его военной «инвазии» провозглашением «Великогерманской империи (*Großdeutsches Reich*)», проявлением теперь уже «внешнего» *Kulturkampf*, школьной реформой, установкой на германизацию захваченных территорий.

В 1939 году тема фразы стала все более увязываться с нацистской антисемитской идеологией, с нарочитой конспирологией т. н. «еврейского заговора» как ее центральной доктриной, с практикой «национальной / этнической чистки», связанной с ней реализацией доктрины этнонационального «культурного превосходства». В итоге произошла парадоксальная смена вектора оценки и позиций «народной графики».

Диффамация, запрет фразы и «нормальный шрифт»

С началом и в ходе Второй мировой войны, последовательной агрессии Германии против соседних государств доминанта в «споре антиквы и фразы» вдруг резко изменилась, появилась новая установка на т. н. *Deutsche Normal-Schrift* (немецкое нормативное письмо). Неожиданно 3-го января 1941 года вышло закрытое распоряжение НСРПГ – внутренняя канцелярская директива от имени рейхслайтера Мартина Бормана, начальника партийного штаба заместителя Гитлера Рудольфа Гесса, как поручение фюрера. Эта директива ведомства Гесса – рейхсминистра без портфеля, курировавшего политическое руководство в стране, – маркировала первенство партийной идеологии над государственными структурами. Документ, получивший название *der Schrifterlass* (предписание о шрифте), был выполнен машинописной антиквой, но на партийном бланке с шапкой на фразе, что выглядело символично [Gugel 2006].

В лаконичном тексте «новогоднего» циркуляра всем партийным руководителям с пометой «Не для публикации!» предписывалось: *Die sogenannte gotische Schrift als eine deutsche Schrift anzusehen oder zu bezeichnen ist falsch. In Wirklichkeit besteht die sogenannte gotische Schrift aus Schwabacher Judenlettern. Genau wie sie sich später in den Besitz der*

Zeitungen setzten, setzten sich die in Deutschland ansässigen Juden bei Einführung des Buchdrucks in den Besitz der Buchdruckereien und dadurch kam es in Deutschland zu der starken Einführung der Schwabacher Judenlettern. Am heutigen Tage hat der Führer <...> entschieden, dass die Antiqua-Schrift künftig als Normal-Schrift zu bezeichnen sei. Nach und nach sollen sämtliche Druckerzeugnisse auf diese Normal-Schrift umgestellt werden. Sobald dies schulbuchmäßig möglich ist, wird in den Dorfschulen und Volksschulen nur mehr die Normal-Schrift gelehrt werden. Die Verwendung der Schwabacher Judenlettern durch Behörden wird künftig unterbleiben; Ernennungsurkunden für Beamte, Strassenschilder u. dergl. werden künftig nur mehr in Normal-Schrift gefertigt werden <...> [Gugel 2006].

Сообщалось о принятии фюрером «авторитетного» решения коллективно в беседе в резиденции с соратниками – рейхслайтером по делам прессы, гендиректором центрального издательства НСРПГ Максом Аманном и крупным мюнхенским издателем Адольфом Мюллером, работавшим по заказам Аммана, печатавшим, в частности, главную газету нацистской партии *Völkischer Beobachter* и массовые тиражи *Mein Kampf*.

Согласно установкам директивы, шрифт «антиква» следовало впредь обозначать как *die Normal-Schrift* (нормальный, нормативный, обычный). Контроль за исполнением сценария поручался Аманну первоначально только в отношении печати распространяемых за рубежом германских изданий СМИ. Примечательно обозначение этого «действия» широкозначным глаголом с предлогом *umstellen auf* (перестраивать, переключать, переводить на), имевшего терминологический оттенок значения в сфере электротехники (DWDS). Оттуда нацисты нередко заимствовали лексические единицы, трансформируемые в идеологемы и термины своей юрисдикции (ср.: *der Anschluss* «подключение → присоединение (т. е. аннексия)», *die Gleichschaltung* «подсоединение → унификация», *das Gleichschaltungsgesetz* «закон о единстве (идеологии)») [Клемперер 1998, с. 185].

Показательно обозначение готики как *die sogenannte* (так называемая) в стилистике собственной нацистской пропаганды диффамации, лишение ее права называться и быть признанной «немецкой графикой». Она объявлялась состоящей из т. н. *Schwabacher Judenlettern* (швабахских еврейских литер). Типично нацистский неологизм-композит *die Judenletter* с характерным определяющим словом пополнил окказиональный ряд объемного антисемитского оскорбительного лексикона и «расовых терминов» (ср.: *Judenbegriff, Judenstämming, Judenfrage, Judenaktion, Judengenosse*), утвердившихся в практике «этнических чисток» и с принятием закона о гражданстве 1935 года. Лексема *der Jude* стала в речевом и медийном узусе Третьего рейха средством поношения, стигматизации (ср. обозначение Веймарской республики как *die Judenrepublik*) (VdNS 2007, S. 328–329).

Примечательно и использование типографского термина «литера», указывавшего на установку на ликвидацию «еврейского засилья» в печати СМИ. Но привязка шрифта «швабахер» к «сионистскому наследию» была абсурдной. Выдвигалось ложная идеологема о «еврейской собственности» в ранней печати, хотя владельцами типографий в Германии в то время могли быть только христиане: «Точно так же, как они позже стали владельцами газет, евреи, живущие в Германии, стали владельцами печатных станков, когда было введено книгопечатание, и это привело к широкому распространению швабахских еврейских литер в Германии» [Antigua-Fraktur-Streit].

Как разновидность готического письма *Schwabacher* (швабахер, швабах) зародился в ранней немецкоязычной печати конца XV века, имея округленные, широкие очертания букв. Этот типо-шрифт доминировал в Германии до середины XVI века, использовался в печати библии Лютера и его последователями, но был вытеснен фрактурой, оставаясь популярным в дальнейшем как графический текстовый маркер [Beinet 2001] (рис. 12).

Schriftbeispiel für die Alte Schwabacher

Рисунок 12 – Образец старопечатного шрифта «швабахер»

Figure 12 – Sample of the old printed font «Schwabacher»

Показательно в этой связи, что в оскорбительных антисемитских надписях на плакатах, в слоганах и изданиях нацисты использовали в немецком тексте, в частности при передаче «расовых терминов», своеобразные аллографические искажения – стилизации букв древнееврейского письма, используемого в иврите, идиш и других языках еврейских диаспор, радикально преследуемых при реализации «расовых законов» и в холокосте. Во время упомянутых акций «книгосожжения» 1933 года звучали требования заставить книгоиздателей-евреев печатать немецкоязычную продукцию, авторство которой принадлежало евреям, только буквами своего древнееврейского письма. В качестве акта антисемитской стигматизации Геббельс в 1937 году запретил «еврейским издательствам» использовать фрактуру в печати.

Инспирируемые «квазисемитские знаки» немецкой графики нередко маркировались желтым цветом, используемым и на «Желтой звезде» («желтый знак», «знак позора»), которую с 1939 года обязаны были носить на одежде все евреи. Наглядные примеры – плакаты крупнейшей антисемитской передвижной выставки *Der ewige Jude* («Вечный еврей») (1937–1939 гг.) и театрального релиза одноименного пропагандистского фильма, снятого по заказу ведомства Геббельса в 1940 году. Но привязка этого «графического компромата» к шрифту «швабахер» не выдерживала критики, являясь индикатором подготовки нацистами общественного мнения в поддержку «окончательного решения еврейского вопроса» в 1941–1945 гг. в Европе (рис. 13).

Рисунок 13 – Образцы древнееврейского алфавита и стилизации на антисемитских плакатах и «желтой звезде»
Figure 13 – Examples of the Hebrew alphabet and stylization on anti-Semitic posters and the «yellow star»

Кроме поэтапного запрета использования фрактуры в печати директива НСРПГ указывала на перевод преподавания в школах всех типов доминантно на «нормативный шрифт» на базе новых учебников при обучении чтению и на письме. Органам официальной власти запрещалось использовать «швабахские еврейские литеры»: в свидетельствах о назначении на должность госслужащих, в уличных указателях и т. п. следовало впредь преимущественно использовать «нормативный шрифт». Поскольку немедленное исполнение указания было организационно сложным и затратным технически и экономически (в частности, в виду дефицита с началом войны металла для литья литер, сложностей перекодировки оформления почтовых отправок и пр.), акцентировались необходимость подготовки, постепенность и умеренность в его реализации [Gugel 2006]. Показательно, что 12-е издание фундаментального словаря немецкого языка Дудена в июле 1941 года вышло еще готическим шрифтом.

Предвестниками сформулированной в указе «смены вех» стали некоторые лингвополитические тренды. Так, в конце марта 1940 года в министерстве Геббельса состоялись закрытые совещания по переводу на печать антиквой всех распространяемых за рубежом пропагандистских материалов. В мае 1940 года в упомянутом центральном издательстве НСРПГ начала регулярно выходить новая газета, вскоре ставшая самой массовой и востребованной, – *Das Reich* под патронажем Геббельса, полностью набираемая антиквой. Появление этого воскресного еженедельника совпало с нападением Германии на Нидерланды, Бельгию и Францию. Набор заглавия петитом и форма определенного артикаля придавали ему выделительно-идентифицирующее значение. Издание качественно отличалось от тенденциозно-стандартной нацистской партийной прессы, гибко реализуя политику «украшательства режима», ориентируясь также на зарубежного читателя, особенно на часть симпатизировавшей Третьему рейху интеллигенции [Beck 2006, S. 252–253].

Вероятнее, что появление нового лозунга *Antiqua als Normal-Schrift!* («Антиква – нормативная графика!») и запрет готики были связаны и с рядом других не до конца ясных аргументов в нацистской языковой политике. Во-первых, трудночитаемая фрактура якобы усложняла пропаганду в «восточных землях рейха». Во-вторых, якобы жители оккупированных стран, в особенности языки которых базировались на латинице, «вольнона-

емные» и массово ввозимые для принудительно-го труда иностранные рабочие, эксплуатируемые заключенные-западноевропейцы не могли читать тексты с фразатурой в отличие от антиквы [Antiqua-Fraktur-Streit].

Впрочем, это не согласовывалось с упомянутой традицией сохранения печатной готики в ряде стран Европы, в частности в Скандинавии и в Прибалтике, длительно находившихся под влиянием еще кайзеровской Германии. Лидеры пронацистских режимов и движений в Европе, а также радикальных консервативных этнонационалистических организаций в самой Германии, например *Völkische Bewegung* (Народное движение), или креатуры СС *Volksdeutsche Mittelstelle* (Управление связей с этническими немцами) – нацистской структуры по регулированию «этнической колонизации» и деятельности коллаборантов в зарубежье, для которых фразатура была символом и инструментом их «идентичности», с непониманием относились к переводу на антикву [Beck 2006, S. 260].

Возможно, что повлияла установка на ускоренное «решение еврейского вопроса» (с 1942 г.) или имело место личное предубеждение Гитлера. Так, в 1940 году он распорядился, в частности, в связи с «конфликтом шрифтов» умерить в стране прежние проявления «языкового пуризма» [von Polenz 1978, S. 162]. Демонстративная реформа по внедрению *Normal-Schrift* включилась в план по активному «онемечиванию» и введению немецкого языка в завоеванных странах (VdNS 2007, S. 561).

Так, внедрение немецкого языка на оккупированной территории СССР (т. н. активный словарь; «германизация» топонимики; замена кириллицы на латиницу как десоветизация; обучение немецкому языку местного населения, медиатексты военных властей) как интенции военной администрации отразили корректировку практик «внешней» языковой политики [Дацишина 2012, с. 66–69]. Это согласовывалось с упомянутым тезисом Гитлера: «Через 100 лет наш язык станет языком всей Европы. При его изучении необычность букв не должна быть препятствием. Почему именно эти барочные завитки должны быть выражением немецкости?» [Харькова 2008, с. 76].

Получили обоснование в связи с «освободительной войной против большевистского СССР» и искоренением *Kulturbolschewismus* новая идеология нацистов *Verteidigung des Abendlandes* (защита Запада), переориентация на «европейскость». Это делало прежнюю дискриминацию антиквы 1930-х гг. более неуместной [von Polenz 1978, S. 162]. Нацисты позиционировали себя как лидеры в этом «цивилизационном противостоянии». Использование как ключевого слова архаичного поэтизма *das Abendland* (калька с лат. *occidens*) вместо нейтрального *der Westen* маркировало признание восходящего к классической античности (*die Antike*) культурно-исторического единства европейских народов, нуждающегося именно в их защите (DWDS; VdNS 2007, S. 360).

С сентября 1941 года в школах рейха исключались обучение письму по прежнему стандарту 1935 года и использование шрифта Зюттерлина, где усматривались «нежелательные» теперь элементы фразатуры. Знакомство школьников с печатной фразатурой предполагало лишь навыки чтения в начальных классах ранее изданных книг, приоритетом объявлялось «латинское письмо» (антиква). Новый учебный стандарт вступил в силу с 1942 года, и старшекласники, ранее изучавшие готику, переучивались на антикву. Впрочем, переход на антикву на письме снял проблему диглифии в латинице для начинающих изучать иностранные языки, поскольку написание (графические знаки) стало единообразным с родным языком [Gugel 2006] (рис. 14).

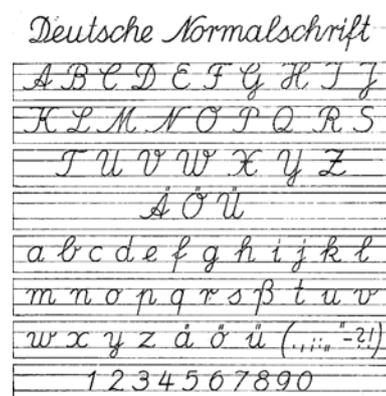

Рисунок 14 – Стандарт «немецкого нормативного письма» (1942 г.)

Figure 14 – Standard of «German normative writing» (1942)

Но многие немцы, изучавшие в школе родной язык по прежним стандартам, а это целое поколение, особенно старшее, жившее в Третьем рейхе и в Великогерманской империи, продолжало в 1940-е гг. использовать в быту на письме «зюттерлин». Печатная продукция начала 1940-х гг., особенно деловая, рекламная, формулярная, пресса и наружная реклама (указатели, вывески и пр.) пестрили чересполосицей антиквы и «остатков» готики. Между поколениями немцев в письменной коммуникации возникал определенный «шрифтовой барьер», смягчение и преодоление которого требовало времени. Впрочем, «поколенческие вопросы» решались нацистами в стратегии привлечения на свою сторону именно молодежи, поддерживающей их начинания, которые не всегда принимали «старшие».

Символично, что нацисты в своих пошатнувшихся планах «борьбы за еврокультуру» в трагически переломном для Германии во Второй мировой войне 1943 году аргументировали необходимость национального издания произведений Фридриха Шиллера в наборе именно антиквой: «...> *um allen Völkern das Studium der deutschen Sprache und das Lesen deutscher Literatur zu ermöglichen* (чтобы для всех народов сделать возможным изучение немецкого языка и чтение немецкой литературы) [Beck 2006, S. 254].

Отметим, что это смешение фразатуры и антиквы своеобразно затронуло и более консервативный в своей семиотике милитарный дискурс в оформлении печатной продукции, например для вермахта конца 1930-х – 1944 г.: словари-разговорники, пропагандистские брошюры, листовки, вывески, многообразная популярная и учебная литература, т. н. «литература для ранца (*Tornister-Literatur*)». Пospешное переформатирование прежнего «национального графического кода» снижало ее манипулятивный потенциал по последовательному формированию идейных самонастроек истинного «арийского армейца рейха» [Дубинин 2021, с. 68].

Впрочем, перевод с 1941 года печати для вермахта на антикву выполнял смежную задачу в развязанной в 1941 году агрессии против СССР, декларируемой как «победоносная война на востоке» [Дубинин 2023, с. 72]. Это касалось, в частности, ориентации печати на военный контингент из государств-союзников Германии, где национальные языки использовали антикву (Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии), а также на «добровольцев» из оккупированных европейских стран с коллаборационистскими «квазиправительствами» / администрациями, на коллаборантов из числа этнических немцев (т. н. *Volksdeutsche*). В 1943 году вермахт разработал «Основные направления по обучению добровольных помощников», которые составляли до 15–20 % его численности. Они стали «спасительной» креатурой – продуктом идеологической и поспешной языковой политики Третьего рейха на последнем катастрофическом этапе войны 1944–1945 гг.

Например, один из последних продуктов нацистской военной печати для нужд обучения восполнявших ряды несущего огромные потери вермахта, не владевших немецким языком иностранных «легионеров» и «добровольных помощников» «Немецкий для солдат» (1944 г.)¹ выполнен антиквой. Он имел формат одноязычного словарного самоучителя (словаря картинок). Целевой контингент обозначен как *unsere neuen Verbündete* (наши новые союзники), которые должны влиться в ряды товарищества бойцов – защитников Европы (*sich einreihen in die Kampfgenossenschaft Europas*).

В наборе слов печатными инициалами для удобства чтения большинство надписей и образцы букв раздела *Bilder ABC* (алфавит) даны также «новым» курсивом, чтобы «инорекруты» распознавали немецкие рукописные формы. Вверху титула переизданий пособия приведены его основные смысловые установки: *Was ist? Wie heißt? Was machen?* (Что это? Как называется? Что делать?) – и курсивом «зюттерлин», и «новым» письмом (рис. 15).

¹ *Bildsprecher. Deutsch für Soldaten* / Hrsg. von W. Bode. Berlin, 1944. Teil 1. 83 S.; Teil 2. 116 S.

Рисунок 15 – Шрифтовое оформление обложек пособия для рекрутов (1944 г.)

Figure 15 – Font design for the covers of the recruiting manual (1944)

От пользователя требовалось умение графически декодировать («прочитать») и произнести немецкие слова (без требования правильной орфографии), идентифицируя их визуально из предметно-ситуативных сфер военной подготовки рекрута (*durch einsehen und begreifen*). Содержательный анализ показал сомнительность декларируемого высокого прагматического потенциала пособия для его использования рекрутами иноязычного воинского контингента, поспешность попытки их языковой интеграции в ряды вермахта [Дубинин 2021, с. 68–69].

Выводы

Языковая политика Третьего рейха в ее внутренних и внешних стратегиях определялась в вопросах нормативной немецкой графики – особого культурно-семиотического языкового знака – несколькими идеологическими установками национал-социализма при реализации сменявшихся диктаторско-политических, антисемитских, экспансионистских сценариев 1930–1940-х гг. без учета закономерностей развития языковой формы (графики) в ее связи с орфографией, в частности принципов типографики. Фрактур, внедряемая на национальном уровне как «истинно немецкий шрифт», «этнический код», была алогично заменена на «нормативный шрифт» – отвергаемую нацистами до этого антикву. Переломным моментом во внешней языковой политике в аспекте «противостояния шрифтов» стала попытка реализации Третьим рейхом сверхстратегии во Второй мировой войне по завоеванию «жизненного пространства», идеологического, культурного доминирования в Европе.

Являясь во многом вторичной наследницей «имперского кайзеровского периода», отличаясь спонтанностью, эклектичностью, преувеличенной прескриптивностью, в своей реализации языковая политика тоталитарного режима национал-социалистов, пройдя через увлечение внеалфавитной идеографической символикой (руны) и апробацию «альтернативного шрифта» (футура), неожидан-

но «разрешила проблему» диглифии немецкого литературного языка, «отменив» фрактуру. Символично, но своим крахом нацистская диктатура открыла перспективу графической рецепции и функционирования немецкого языка в послевоенном сообществе традиционно использовавших латиницу (антикву) языков, в изучении его как иностранного.

Перспективным продолжением темы в диахронии о «противоборстве шрифтов» может быть исследование стратегий в отношении графики языков славянских национальных меньшинств (сорбы, кашубы) в Третьем рейхе и нацистских сценариев замены кириллицы на латиницу в странах Восточной Европы, анализ «возрождения готики» в дискурсе современного неонацизма.

Материалы исследования

DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <https://www.dwds.de>.

VdNS 2007 – *VdNS: Vokabular des Nationalsozialismus* / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2007. 717 S.

Библиографический список

Antigua-Fraktur-Streit – *Antigua-Fraktur-Streit*. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Antigua-Fraktur-Streit>.

Beck 2006 – *Beck Fr.* «Schwabacher Judenlettern» – Schriftverruß im Dritten Reich // Die Kunst des Vernetzens. Festschrift für W. Hempel / Hrsg. von B. Brachmann u.a. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2006. S. 251–270.

Beinert 2001 – *Beinert W.* Das Lexikon der westeuropäischen Typographie. 2001. URL: <http://www.typolexikon.de/schriftgeschichte.html>.

Gugel 2006 – *Gugel M.* Fokus Fraktur. veraltet, verspottet – vergessen? Ein Portrait. 2006. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Michaelgugel-fokusfraktur.pdf>.

Hartmann 1998 – *Hartmann S.* Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 1998. 438 S.

von Polenz 1978 – *von Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache. 9 Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 1978. 226 S. URL: <https://content.fimsschools.com/academy.fims.org.pk/Geschichte%20der%20deutschen%20Sprache.pdf>.

Rück 1993 – *Rück P.* Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941 // Homo scribens / Hrsg. von J. Baurmann. Tübingen, pp. 231–272. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111377087.231>.

Вульф 2003 – *Вульф Н.В.* Немецкая орфография и нацистская идеология: история двух неудавшихся реформ // Acta linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2003. Т. 1 (1). С. 205–218.

Дацишина 2012 – *Дацишина М.В.* Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1944 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66–87. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2012-1/66-87>.

Дубинин 2007 – *Дубинин С.И.* Первые немецкие двуязычные словари: тип текста и языковая культура 16 века // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы междунар. научной конференции / ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара: СамГУ, 2007. С. 247–248. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/YaZYK-I-KULTURA-V-ROSSII-SOSTOYANIIE-I-EVOLUCIONNYE-PROCESSY/Pervye-nemeckie-dvuyazychnye-slovari-tip-teksta-i-yazykovaya-kultura-XVI-veka-104798/1/978-5-86465-403-3_2007-247-248.pdf.

Дубинин 2021 – *Дубинин С.И.* Немецкоязычный репертуар «добровольного помощника вермахта» // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 6. Самара: ЦПИ, 2021. С. 68–81. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Nemeckoyazychnyi-repertuar-«Dobrovolnogo-pomoshnika-vermahta»-96626/1/2414-5882_2021-68-81.pdf.

Дубинин 2023 – *Дубинин С.И.* Двуязычный словарь-разговорник как креализованный текст в милитарном дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 8. Самара: ЦПИ, 2023. С. 57–72. URL: https://vk.com/wall-211063627_585.

Едличко 2015 – *Едличко А.И.* Язык Третьего рейха и тенденции его проявления в современном немецком протестном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 80–92. URL: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/11967598>.

Зиндер 2003 – *Зиндер Л.П.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. Москва: ИЦ «Академия», 2003. 160 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001834518.

Клемперер 1998 – *Клемперер В.* ЛТЯ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с. URL: https://imwerden.de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998ocr.pdf?ysclid=Iz831r4m6m310986444.

Костева 2011 – *Костева В.М.* Европейские проекты реформ орфографии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1 (7). С. 59–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17673386>. EDN: <https://elibrary.ru/owtkqd>.

Креолизованные тексты 2017 – *Креолизованные тексты* в различных видах дискурса (на материале англ. языка): коллективная монография / под общ. ред. М.А. Кулинич. Самара: СГСПУ, 2017. 158 с.

Миры дискурса 2015 – *Миры дискурса*: монография / под ред. Н.К. Даниловой. Самара: Самарский университет, 2015. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>. EDN: <https://elibrary.ru/uhddul>.

Филичева 1992 – *Филичева Н.И.* Немецкий литературный язык. Москва: Высшая школа, 1992. 176 с. URL: <https://klex.ru/149q?ysclid=1z87jfa831798037425>.

Харькова 2008 – *Харькова О.В.* Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего рейха // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 1. С. 71–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shrift-kak-instrument-vozdeystviya-na-massovoe-soznanie-v-presse-tretiego-reyha/viewer>.

References

Antigua-Fraktur-Streit – *Antigua-Fraktur-Streit*. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Antigua-Fraktur-Streit>.

Beck 2006 – *Beck Fr.* (2006) «Schwabacher Judenlettern» – Schriftverruß im Dritten Reich. In: *Die Kunst des Vernetzens*. Festschrift für W. Hempel. Hrsg. von B. Brachmann u.a. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, pp. 251–270.

Beinert 2001 – *Beinert W.* (2001) Das Lexikon der westeuropäischen Typographie. Available at: <http://www.typolexikon.de/s/schriftgeschichte.html>.

Gugel 2006 – *Gugel M.* (2006) Fokus Fraktur. veraltet, verspottet – vergessen? Ein Portrait. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Michaelgugel-fokusfraktur.pdf>.

Hartmann 1998 – *Hartmann S.* (1998) Fraktur oder Antigua. Der Schriftstreit von 1881 bis 1941. Frankfurt am Main/New York: Peter Lang, 438 S.

von Polenz 1978 – *von Polenz P.* (1978) Geschichte der deutschen Sprache. 9 Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 226 S. Available at: <https://content.fimsschools.com/academy.fims.org.pk/Geschichte%20der%20deutschen%20Sprache.pdf>.

Rück 1993 – *Rück P.* (1993) Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941. In: Baurmann J. (Hrsg.) *Homo scribens*. Tübingen, S. 231–272. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111377087.231>.

Wulff 2003 – *Wulff N.V.* (2003) German orthography and Nazi ideology: the story of two failed reforms. In: *Acta Linguistica Petropolitana: proceedings of the Institute of Linguistic Research*. Saint Petersburg: Nauka, vol. 1 (1), pp. 205–218. (In Russ.)

Datsishina 2012 – *Datsishina M.V.* (2012) Language as an instrument of oppression: German on the temporarily occupied Soviet territories, 1941–1944. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 66–87. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2012-1/66-87>. (In Russ.)

Dubinina 2007 – *Dubinina S.I.* (2007) First German bilingual dictionaries: text type and language culture of the XVI century. In: *Ilyukhina N.A., Danilova N.K. (Eds.) Language and culture in Russia: state and evolutionary processes: materials of the international scientific conference*. Samara: SamGU, pp. 247–248. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/YaZYK-I-KULTURA-V-ROSSII-SOSTOYANIE-I-EVOLUCIONNYE-PROCESSY/Pervye-nemeckie-dvuyazychnye-slovaritip-teksta-i-yazykovaya-kultura-XVI-veka-104798/1/978-5-86465-403-3_2007-247-248.pdf. (In Russ.)

Dubinina 2021 – *Dubinina S.I.* (2021) German speaking Repertoire of the voluntary assistant of the Wehrmacht. In: *Dubinina S.I., Shevchenko V.D. (Eds.) Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. Vol. 6*. Samara: TsPI, pp. 68–81. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Nemeckoyazychnyi-repertuar-«Dobrovolnogo-pomoshnika-vermahta»-96626/1/2414-5882_2021-68-81.pdf. (In Russ.)

Dubinina 2023 – *Dubinina S.I.* (2023) Bilingual dictionary as a creolized text in military discourse. In: *Dubinina S.I., Shevchenko V.D. (Eds.) Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. Vol. 8*. Samara: TsPI, pp. 57–72. Available at: https://vk.com/wall-211063627_585. (In Russ.)

Edlichko 2015 – *Edlichko A.I.* (2015) The language of the Third Reich and its manifestations in modern German protest discourse. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–92. Available at: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/11967598/>. (In Russ.)

Zinder 2003 – *Zinder L.R.* (2003) Theoretical course of phonetics of modern German language. Moscow: ITs «Akademija», 160 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001834518/. (In Russ.)

Klemperer 1998 – *Klemperer V.* (1998) LTI. The language of the Third Reich. Notebook of a philologist. Translation from German by A.B. Grigoriev. Moscow: Progress-Traditsiya, 381 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998__ocr.pdf?ysclid=1z831r4m6m310986444. (In Russ.)

Kosteva 2011 – *Kosteva V.M.* (2011) European projects of spelling reforms. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (7), pp. 59–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17673386>. EDN: <https://elibrary.ru/owtkqd>. (In Russ.)

Creolized texts... 2017 – *Kulinich M.A.* (Ed.) (2017) Creolized texts in various types of discourse (based on the material of the English language): collective monograph. Samara: SGSPU, 158 p. (In Russ.)

Worlds of Discourse 2015 – *Danilova N.K. (Ed.)* (2015) Worlds of discourse: monograph. Samara: Samarskii universitet, 240 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>. EDN: <https://elibrary.ru/uhddul>. (In Russ.)

Filicheva 1992 – *Filicheva N.I.* (1992) German literary language. Moscow: Vysshaya shkola, 176 p. Available at: <https://klex.ru/149q?ysclid=1z87jfa831798037425>. (In Russ.)

Kharkova 2008 – *Kharkova O.V.* (2008) Font as a tool for influencing mass consciousness in the press of the Third Reich. *Lomonosov Philology Journal*, no. 1, pp. 71–78. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shrift-kak-instrument-vozdeystviya-na-massovoe-soznanie-v-presse-tretiego-reyha/viewer>. (In Russ.)